

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.В. Карташев

Христианство на Руси в период догосударственный

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1908. № 5. С. 769-778.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБПДА
Санкт-Петербург
2009

блии не встрѣчается, въ арамейской же части книги пророка Даниїла употребляется неоднократно въ значеніи „тайна“. Последнее слово стиха въ Евр. *וְעַד* „конецъ его“—также арамаизмъ, хотя встрѣчающійся и въ еврейской Библии; въ Гр. оно не передано: „что родить“,—„тебѣ“ въ Сл. прибавлено для поясненія; „что породить конецъ его“ есть образное выраженіе той мысли, которую можно прямо изложить такъ: „что онъ сдѣлаеть впоследствии“,—такъ понимали это выраженіе и Сл.-др. переводчики, когда написали: „что сѣтворить ти“. „Передъ всякою плотью“ въ 22 стихѣ правильно передается въ Гр. и Сир. „передъ всякимъ челоуѣкомъ“, последняя же часть стиха оказалась труднѣе для передачи. Гр.: „и да не воздасть тебѣ благодати“ или „благодарности“, *χαρις*, Гр. гл. (23, 70, 106, 248, Сир.-екз.) и Сл. дополняютъ: „ложной“, т. е. за твою неосторожную откровенность иной можетъ отблагодарить тебѣ зломъ; Сир.: „чтобы онъ не обязалъ тебя благодарностью“ или „благодѣяніемъ“, т. е. чтобы тебѣ не пришлось благодарить его за его скромность, неразглашеніе твоихъ секретовъ; Лат. съ обычной прибавкой: „чтобы онъ не принесъ тебѣ ложной благодарности и не злословилъ тебя“. Но, повидимому, всѣ эти переводы слѣдуютъ Евр. чтенію, только не совсѣмъ правильно понимаютъ смыслъ фразы: „и не отталкивай отъ себя благополучія“ или „блага“, *гаттоба*,—последнее слово переводы поняли въ смыслѣ „благодарности“, глаголь же читали, можетъ быть, въ 3-мъ лицѣ вмѣсто 2-го. Въ Остр. Гр. *χαρις* свободно передано словомъ „хвалы“.

Прот. А. Рождественскій.

Христіанство на Руси въ періодъ догосудар- ственный.

I.

ПУСТОЙ мракъ скрываетъ отъ насъ начало исторической жизни русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ начало его знакомства съ христіанской религіей. Въ раскрытіи этого темнаго вопроса намъ необходимо за точку отправления взять нѣчто извѣстное. Постараемся сначала припомнить то старѣйшее по исторической извѣстности этнографическое окруженіе русской территоріи, которое могло служить и служило нашимъ предкамъ посредникомъ въ сближеніи съ христіанствомъ. Тогда предъ нами обрисуются границы той волны христіанства, которая, въ своемъ распространеніи отъ греко-римскаго міра черезъ народы ближайшіе къ отдаленнѣйшимъ, достигла въ опредѣленный часъ и нашего отечества, „простресея“, по выраженію м. Иларіона, „и до нашего языка русскаго“. Это тѣмъ болѣе необходимо, что старые изслѣдователи и за ними учебники укоренили здѣсь довольно много неточныхъ представленій.

Обратимся къ югу. Древніе византійцы различали двѣ Скиіи въ Европѣ: великую—отъ Танаиса (Дона) до Истра (Дуная) и малую, составлявшую внутреннюю провинцію имперіи въ сѣв.-восточной Мизіи, между низовьями Дуная и Чернымъ моремъ, съ главнымъ городомъ Томи (Тоμοι Τόμις), который можно приурочить къ теперешнему болгарскому мѣстечку Мангаліи. Акты мученическіе свидѣтельствуютъ о распространеніи здѣсь христіанства уже въ первыхъ вѣкахъ. Первое упоминаніе о скиескомъ епископѣ имѣется отъ вре-

мени Діоклетіана. Цѣлый рядъ затѣмъ епископовъ скинскихъ, или томитанскихъ извѣстенъ до позднѣйшихъ временъ: каедрѣ въ Томѣ значится еще въ каталогѣ епископій, отмѣченномъ именемъ Льва императора (нач. X. в.; на самомъ дѣлѣ этотъ каталогъ представляетъ редакцію XII в.). Населеніе томитанской провинці состояло изъ племенъ еракійскихъ, а съ конца IV и нач. V в. и славянскихъ, предковъ нынѣшнихъ болгаръ. Вотъ къ этой-то области и относится большинство древнихъ святоотеческихъ свидѣтельствъ о христіанствѣ у скиновъ, которыя старыми историками и составителями учебниковъ поспѣшно толковались въ примѣненіи къ русскимъ славянамъ.

Но правда то, что для русскихъ славянъ христіанство малой Скиѣи не проходило безслѣднымъ. Непосредственно съ малой Скиѣей по другому берегу Дуная сосѣдила одна изъ разновидностей русскаго славянства—угличи, или улучи и тиверцы, жилища которыхъ простирались отъ Дуная до Буга. Если только въ Птоломеевыхъ (II в.) тирагетахъ видѣть именно тиверцевъ, то ихъ поселеніе здѣсь относится ко II в. Въ обитавшихъ здѣсь антахъ готскаго историка Іорнанда (VI в.) слѣдуетъ признать тѣхъ же нашихъ соплеменниковъ. Такое близкое и давнее сосѣдство угличей и тиверцевъ ¹⁾ съ христіанскими народами, отчасти даже родственными (мизійскіе славяне) могло и къ нимъ заносить новую религію. Возможность этого была еще ближе. Христіанство было въ самой землѣ углицко-тиверской: у греческихъ колонистовъ, жившихъ на нижнемъ Днѣстрѣ и по морскому берегу до Дуная. По словамъ Константина Порфиророднаго въ его время (X в.) на нижнемъ Днѣстрѣ видны были развалины шести городовъ, а *inter urbium collapsarum fabricas ecclesiarum indicia quaedam et cruces, ex lapide topiino exculptae* (Corp hist. byz., Venet. XXIX p. 87).

Только послѣ сказаннаго мы въ правѣ нѣкоторыя святоотеческія свидѣтельства о Скиѣи относить дѣйствительно къ Скиѣи великой, болѣе насъ касающейся. Таково извѣстное выраженіе блаж. Іеронима, что въ его время „хладная Скиѣя согрѣвается теплотою вѣры“. Хотя нужно помнить, что признакъ холода въ устахъ южанина еще не уполномочиваетъ насъ тотчасъ же покидать малую Скиѣю и перехо-

¹⁾ Отъ Трояна до Авреліана (II—III в.) на ихъ территоріи хозяйничали римскія власти и стояли римскіе легіоны.

дить въ дальносѣверную, потому что, напр., Овидій, сосланный въ Томи, въ мѣстность по нашему жаркую, находилъ что въ той странѣ nihil est, nisi inhabitabile frigus. Въ великую же Скиюю простиралась и миссіонерская дѣятельность знаменитаго КП. архіепископа Іоанна Златоуста. По свидѣтельству Θεодорита онъ, „узнавъ, что нѣкоторые кочевники—скиѣи, имѣвшіе свои шатры у Дуная, жаждутъ спасенія, нашелъ людей, возревновавшихъ по апостольскимъ трудамъ, и послать ихъ къ нимъ“. Онъ же въ похвальномъ словѣ Златоусту говоритъ: „имѣешь ты и другое сходство съ апостолами: ты первый водрузилъ жертвенники у скиѣевъ живущихъ въ телѣгахъ“. Прежніе историки очень широко понимали эти свидѣтельства, распространяя миссію Златоуста чуть-ли не на всѣ южно-русскія племена. Между тѣмъ изъ текста свидѣтельствъ ясно, что дѣло идетъ относительно мѣстностей, непосредственно прилегавшихъ къ Дунаю, гдѣ обитали только тиверцы и угличы. Но 'нельзя разумѣть и ихъ въ данномъ случаѣ, потому что исторія не знаетъ славянъ въ кочевомъ быту, и уже Тацитъ (I в.) отличаетъ ихъ, какъ имѣющихъ дома, отъ сарматовъ, живущихъ въ кибиткахъ.

На пространствахъ той же великой Скиѣи, такъ сказать, внутри поселеній тиверцевъ и угличей, начинается и исторія христіанства у готовъ. Послѣдніе пришли сюда въ концѣ II и нач. III в. и осѣли на Дунаѣ и по всему сѣверу Чернаго моря, покоривъ своей власти и русско-славянскія племена. Первое массовое обращеніе въ христіанство среди западныхъ готовъ послѣдовало около 323 г. послѣ рѣшительной побѣды надъ ними Константина Великаго. Епархіальнымъ центромъ для новообращенныхъ назначенъ тотъ же Томи малой Скиѣи. служившій какъ бы миссіонерскою базой *in partibus infidelium*. Но національный готскій еп. Вульфилъ, принявшій аrianство, имѣлъ свою каодральную резиденцію гдѣ-то въ великой Скиѣи, потому что только въ 348 г., вслѣдствіе гоненія на христіанъ, воздвигнутаго вице-королемъ Атанарихомъ, онъ переселился съ своими единовѣрцами въ предѣлы имперіи, въ Никополь.

Вотъ и всѣ древнѣйшіе эпизоды христіанства въ великой Скиѣи ¹⁾. Однако никакихъ остатковъ этого христіанства не

¹⁾ Невѣроятность сообщенія житія Херсонисскихъ мучениковъ о перыскѣ изъ Іерусалима въ царствованіе Діоклетіана будто-бы епископа

сохранилось до дѣйствительнаго начала исторіи церкви у русскихъ. Предполагаемые, благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, начатки христіанства у нашихъ отдаленныхъ родичей естественно исчезли въ концѣ IV—нач. V в., когда ихъ территорія надолго сдѣлалась торной дорогой для дикихъ восточныхъ народовъ, стихійно тянувшихъ на западъ: гунновъ, аварь, болгарь, мадырь.

Болѣе устойчивая и непрерывная струя христіанства шла на Русь черезъ Крымъ, послужившій для Руси культурнымъ мостомъ къ Византіи. Здѣсь христіанство было у грековъ и готовъ. У грековъ оно ведетъ свою исторію отъ первыхъ вѣковъ нашей эры. Но правильно устроенная Херсонисская (возлѣ Севастополя) епархія получила начало только съ IV столѣтія. Около VIII в. на ряду съ ней возникаютъ еще двѣ греческихъ епархіи: Сугдайская (*Zouδαία*), или Сурожская (нынѣшнее мѣст. Судакъ) и Фульльская (*Φούλλια*; по мнѣнію проф. Ю. Кулаковскаго нын. Эски Крымъ). Остальныя части Крыма подпали въ церковномъ отношеніи подъ вліяніе готовъ, которые осѣли здѣсь окончательно послѣ того, какъ не захотѣли слѣдовать за своими единоплеменниками, ушедшими въ половинѣ V в. съ Теодорихомъ въ Италію. Крымскіе готы, получившіе христіанство, какъ полагаютъ, отъ каппадокійскихъ плѣнниковъ послѣ морского набѣга на берега Мал. Азіи въ концѣ III в., имѣли свою епархію сначала только въ Воспорѣ (древ.-греч. Пантикапей, нын. Керчи), существованіе которой свидѣлствуется даже каталогами епархій XII в. Но въ VII в. мы узнаемъ о епископской каѳедрѣ въ самомъ центрѣ готскихъ поселеній въ Крымѣ, расположенныхъ на пространствѣ отъ Алушты до Балаклавы, именно въ г. Доросѣ, или Дори (=tauros въ готск. произношеніи), который отождествляютъ съ нын. скалой Манкупъ-Кале (верстахъ въ 17 къ вост. отъ Севастополя)¹⁾. Готская архіепископія въ Дори, имѣвшая съ VIII в. титулъ и права митрополіи, пережила даже самую націю готовъ, огреченную и отуреченную окончательно въ XVII в., и уже съ однимъ титуломъ „готоійской“, хотя съ греческой паствой и іерархіей, перешла въ вѣдѣніе русскаго Св. Си-

Ефрема въ великую Скиѣю отмѣчене акад. Е. Е. Голубинскимъ „Извѣстія отдѣл. рус. яз. и слов. Им. Ак. Н. 1907 г. т. XII, кв. 1.

¹⁾ Проф. Ю. Кулаковскій. „Къ исторіи готской епархіи въ Крыму“. „Журн. Мин. Н. Пр.“ 1898 г., ч. 315, с. 181.

нода по завоеваніи Крыма Екатериной II. При имп. Юстиніанѣ I учреждается третья, наиболѣе для насъ интересная, готская каѳедра въ зависимости отъ митрополіи Дорійской. Часть готовъ, называвшихся Тетракситами, жившая прежде нашествія гунновъ на Керченскомъ полуостровѣ, подъ давленіемъ послѣднихъ, перешла черезъ проливъ на кавказскій берегъ и поселилась здѣсь на Таманскомъ полуостровѣ. Въ 548 г., по поводу устройства Юстиніаномъ епархіи въ землѣ лавовъ и авазговъ, или абхазцевъ (нын. Черноморскій округъ и сѣв. Кутаисской губ.), съ каѳедрою въ Никопсіи (нын. Пипундѣ), сосѣдніе готы—тетракситы отправили къ императору посольство съ просьбой о поставленіи имъ епископа. Рѣчь шла очевидно о замѣщеніи Фанагорійской (нын. Тамань) ¹⁾ греческой каѳедры, представитель которой въ послѣдній разъ упоминается на соборѣ 518 г. ²⁾ Возстановленная такимъ образомъ каѳедра для готовъ продолжала существовать; упоминаніе о ней подъ именемъ Фанагорійской встрѣчаемъ въ первыхъ годахъ VIII в. Но изъ недавно опубликованнаго de-Boor'омъ списка епархіи КП. патріархата VIII столѣтія видно, что заселенная готами-тетрокситами Фанагорія успѣла приобрести въ этомъ вѣкѣ новое имя, переходящее затѣмъ и въ русскую исторію, именно: *Ταμатарῶνα*, позднѣе *Ταμатарῶνα*, *Τὰ Ματάρωνα*, или *Τὰ Μετάρωνα*, русск. Тьмутаракань (нын. Тамань). Епархія Таматарханская вошла впослѣдствіи въ число первыхъ епархіи новорожденной русской церкви и, въ качествѣ титулярной, встрѣчается въ греческихъ актахъ XII и даже XIV в. Можетъ быть на первый разъ покажется даже страннымъ, если мы скажемъ, что здѣсь, въ христіанской Таматархѣ, да еще въ VIII в., т. е. до начала русскаго государства, мы пришли уже въ самую Русь.

Откуда пошла русская земля? Этотъ вопросъ, поднятый наукой еще въ первой половинѣ XVIII в., не перестаетъ занимать умы и даже сердца специалистовъ вплоть до настоящаго момента. Греческіе писатели, когда хотѣли назвать русскихъ не вульгарнымъ, а литературнымъ классическимъ именемъ, то до временъ позднѣйшихъ (т. е. даже спустя нѣсколько столѣтій по крещеніи Руси) прибѣгали

¹⁾ Василевскій. „Русско-виз. отрывки“. „Журн. Мин. Н. Пр.“ 1878 ч. 195 с. 115,

²⁾ Ю. Кулаковскій. „Къ объясненію надписи съ именемъ императора Юстиніана, найденной на Таманск. пол.“ „Визант. Врем.“ 1895, т. II, с. 197.

къ термину Тавро-скиѣны. т. е. скиѣны, живущіе въ Таврѣ, скиѣны таврическіе. Когда же русскіе жили въ Тавридѣ? Около 140 г. Итоломей помѣщаетъ тавро-скиѣновъ въ окрестностяхъ Ахиллесова Бѣга; *Aχιλλέως Δρόμος* — между устьемъ Днѣпра и Перекопомъ, гдѣ теперь находится узкій Островъ Тендеръ и коса Джарылгачъ. Византійцы тамъ же помѣщаютъ руссовъ, называя ихъ „Дромитами“ отъ мѣста обитанія. Теперешній о. Тендеръ на итальянскихъ картахъ XIV—XVII вв. именуется *Rossa*. На тѣхъ же картахъ по зап. берегу Крымскаго полуострова въ окрестностяхъ нынѣшней Евпаторіи значатся мѣстности: *Rossofar*, *Rossoca*. На другой, болѣе южный пунктъ мѣстожителства тавроскиѣновъ внутри полуострова указываютъ выраженія: 1) житія Іоанна Готскаго (напис. въ первой пол. IX в.), что „земля тавроскиѣновъ находится подъ странюю (властью) готовъ“ и 2) житія херсонисскихъ мучениковъ (напис. ранѣе конца X в.), что „Корсунъ находится въ епархіи тавроскиѣновъ“.

Однако съ большей сравнительно ясностью есть возможность прослѣдить исторію руссовъ, жившихъ на Таманскомъ полуостровѣ. До тѣхъ поръ, пока въ наукѣ не уяснился фактъ существованія этихъ руссовъ, нѣкоторыми (напр. В. И. Ламанскимъ) и до сихъ поръ, на нашъ взглядъ неудачно, отрицаемый — тмутараканское княжество, совершенно оторванное отъ центральныхъ приднѣпровскихъ славяно-русскихъ земель, а за ними и странная тмутараканская епархія домонгольскаго времени представлялись какой-то загадкой, и русская церковная исторія не отставала отъ гражданской въ натяжкахъ и противорѣчій при изложеніи первыхъ шаговъ исторической жизни русскаго народа. Неяснымъ представлялся цѣлый рядъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей IX, X и XI вѣковъ. Одинъ изъ нихъ сообщаетъ, что Русь живетъ на какомъ-то болотистомъ и нездоровомъ островѣ, другой говоритъ, что она живетъ на семи островахъ. Глядя на карту Таманскаго полуострова, легко убѣдиться, что характеристика мѣстности подходитъ къ нему какъ нельзя болѣе. Ибнъ-Даста, писавшій въ первыхъ годахъ X в., опредѣляетъ островъ, на которомъ жили Руссы, точнѣе, какъ расположенный недалеко отъ Хазерана (Хазаріи) и Болгаріи (бывшей тогда приблизительно на границѣ нынѣшнихъ областей—Донской, Кубанской и губерніи Ставропольской), куда Руссы сбывали добычу отъ своихъ постоянныхъ грабежей.

Данное опредѣленіе снова показываетъ, что рѣчь идетъ о Таматархѣ. Средоточіемъ тмутараканскихъ руссовъ былъ, по словамъ арабовъ, городъ Русія при устьѣ Русской рѣки. Этотъ городъ *Rusia* упоминается затѣмъ въ греческихъ документахъ во второй половинѣ XII в. ¹⁾ и на итальянскихъ картахъ послѣдующаго времени называется Rossi, Rosso, а рѣка, текущая возлѣ него — по всѣмъ признакамъ Донъ — fiume Rosso. Гдѣ же находился этотъ городъ? На археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1899 г. проф. Ю. Кулаковский поддерживалъ мнѣніе проф. Бруна, что *Rusia* тождественна съ Воспоромъ (Керчью), потому что у арабскаго географа Эдризидина, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 г., городъ *Rusia* значитъ въ 20 миляхъ къ западу отъ Матархи. Устье русской рѣки Эдризидинъ также полагаетъ между Сольдадией (Сугдеей) и Матархой, очевидно отождествляя съ нимъ Керченскій проливъ. Въ этомъ отождествленіи онъ не одинокъ: уже хронистъ Теофанъ (нач. IX в.) считаетъ данный проливъ устьемъ Дона. Въ эту же ошибку впадали и итальянскіе картографы. Такимъ образомъ роль политическаго центра для восточной части черноморскихъ руссовъ играли нынѣшніе Керчь и Тамань.

Что черноморскіе руссы не славяне, какъ и вообще руссы, основавшіе русское государство, а норманны, хотя и охотно мѣшавшіеся съ славянами, это ясно по многимъ признакамъ. Избѣгая подробностей ²⁾, напомнимъ только немногое. Весьма выразительно то обстоятельство, что Константинъ Порфирородный, самъ принимавшій русскую княгиню Ольгу съ ея свитой, самъ ведшій съ ней переговоры, рѣзко различаетъ русскій языкъ отъ славянскаго при описаніи днѣпровскихъ пороговъ. Каждый изъ нихъ, по его записи, назывался двояко: по русски (*rusisti*) и по славянски (*slavisti*); при чемъ славянскія имена намъ понятны безъ комментаріевъ—Вулнипрахъ, Островунипрахъ, Неясуть и т. д., а русскіе—Варуфорось, Ульворси, Айфаръ, оказывается, съ удобствомъ объясняются изъ древне-скандинавскихъ язы-

¹⁾ В. Латышевъ. „Этюды по византійской эпиграфикѣ“. Виз. Врем. 1895 г., т. II, т. 186.

²⁾ За ними желающіе могутъ обратиться къ лекціямъ о началѣ русскаго государства датскаго проф. В. Томсона, прочитаннымъ въ Оксфордѣ еще въ 1876 г., но до сихъ поръ не потерявшимъ руководственнаго значенія. Чит. въ Имп. Моск. Общ. Ист. и др. росс. 1891 г. кн. I.

ковъ. Черезъ эти пороги, какъ торжествующе говорятъ норманнисты, никакъ не перешагнуть ихъ противникамъ. Арабъ Ал-Бекри (1/2 IX в.) также различаетъ руссовъ и славянь. По его свидѣтельству, „главнѣйшія изъ племенъ сѣвера говорятъ по славянски, потому что смѣшались съ ними (славянами), какъ напр.: баджинаки (печенѣги), и русы и хазары“. Интересенъ еще разсказъ, опредѣляющій самую національность руссовъ, занесенный въ западныя, такъ называемыя Бертинскія лѣтописи подлѣ 839 г., т. е. до образованія кievскаго государства. Лѣтописецъ передаетъ, что въ Ингельгеймъ (на Рейнѣ), столицу франкскаго императора Людовика Благочестиваго пришли послы отъ византійскаго императора Теофила, а вмѣстѣ съ ними „нѣкоторые люди, которые называли себя, т. е. народъ свой Росъ (qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant). Они пришли въ Византію отъ ихъ собственнаго царя по имени хакана (chacanus, т. е. очевидно каганъ), но назадъ не хотѣли возвращаться той же дорогой, боясь одного жестокаго и варварскаго народа“. Поэтому Теофилъ просилъ Людовика пропустить ихъ домой черезъ свою державу. Однако, несмотря на солидную рекомендацію, къ пришельцамъ отнеслись весьма подозрительно, и императоръ, „прилежно испытавъ причину прихода ихъ, открылъ, что они изъ севововъ“, т. е. шведовъ (comperit eos gentis esse sueonum). Какъ бы экспертиза ни была поверхностна, во всякомъ случаѣ уже самое направленіе этихъ россовъ домой черезъ сердце Европы (въ Швецію, а затѣмъ водными, варяжскими путями въ Таматарху?) говоритъ за то, что ихъ національность въ общемъ угадана вѣрно и отличена даже отъ хорошо извѣстныхъ на западѣ норвежскихъ и датскихъ норманновъ. Выводъ отсюда тотъ, что Русь—это восточные скандинавы, не забывшіе даже своей сѣверной прародины. Мѣсто жительства ихъ намъ извѣстно. Да на него же указываетъ и названіе главы ихъ хаканомъ—явное вліяніе близкихъ и болѣе культурныхъ сосѣдей хазарь. Ибнъ-Даста также называетъ князя руссовъ „хаканъ-русу“.

Живя совмѣстно съ единоплеменными готами—христианами близъ епископской каѳедры въ Таматархѣ и въ г. Русіи (Керчи), руссы, какъ цѣлый народъ, однакожь долго не принимали христианства, несмотря на то, что оно быстро охватывало всѣ окрестныя народы сѣвернаго Кавказа. Вышеупомянутый вновь опубликованный списокъ каѳедръ К. П. па-

тріархата VIII столѣтія называетъ подъ вѣдѣніемъ готскаго дорійскаго митрополита епископовъ: оногурскаго (ὁ Όνογοῦρον) — народа, жившаго по верхнему бассейну Кубани, итильскаго (ὁ Ἰτιλῆς), то есть, столичнаго хазарскаго и хвалисскаго (ὁ Χωάλης) — вѣроятно прикаспійскаго. Сѣверно-кавказскіе аланы (предки осетинъ), какъ навѣрное теперь извѣстно, приняли христіанство вмѣстѣ съ своимъ княземъ въ самомъ началѣ X в. Руссы же сначала не поддавались культурному, укрощающему вліянію византійской религіи. Предпочитая вести свободный образъ жизни морскихъ пиратовъ, они дѣлали по временамъ опустошительныя набѣги на сосѣдніе берега Крыма и Малой Азіи. Всетаки въ концѣ концовъ съ нихъ именно началось просвѣщеніе свѣтомъ христіанской вѣры и всего русскаго міра. А толчками къ этому послужили какъ разъ тѣ самыя пиратскіе набѣги руссовъ, виновники которыхъ и не подозревали о столь благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ своихъ варварскихъ предпріятій.

II.

Древнѣйшія свидѣтельства о знакомствѣ руссовъ съ византійскимъ христіанствомъ и даже о принятіи крещенія, какъ неожиданныхъ результатахъ ихъ военныхъ экскурсій, сохранились въ житіяхъ двухъ греческихъ епископовъ: Стефана Сурожскаго или Сугдайскаго, и Георгія Амастридскаго. Прошло почти полвѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ 1844 г. А. В. Горскій обратилъ вниманіе ученаго міра на эти два источника, пока не былъ положенъ конецъ крайне сбивчивымъ сужденіямъ различныхъ ученыхъ объ ихъ исторической значимости образцовыми работами Васильевскаго ¹⁾, который подвергъ изученію данныя памятники въ ихъ цѣломъ составѣ и поставилъ въ связь съ опредѣленными моментами византійской исторіи. Поэтому, не повторяя старыхъ мнѣній, мы имѣемъ возможность изложить дѣло въ положительной формѣ.

Въ русскихъ сборникахъ, начиная съ XV вѣка, встрѣчается нерѣдко житіе св. Стефана, еп. Сурожскаго. Древнерусскій Сурожъ, греч. Сугдея, это—нынѣшнее мѣстечко Су-

¹⁾ „Русско-виз. отрывки“ Ж. М. Н. Пр. 1878 и 1889 гг. и „Русско-Визант. Изслѣдованія“. Спб. 1893 г.

дакъ на южномъ берегу Крыма между Алуштой и Теодосіей. Стефанъ представленъ въ житіи каппадокійскимъ уроженцемъ, получившимъ образованіе въ КП-лѣ, тамъ же принявшимъ иночество и епископскій санъ отъ православнаго патріарха Германа. Въ разгаръ иконоборчества Льва Исавра (717—741) и Константина Копронима (741—775) онъ выступаетъ исповѣдникомъ, будучи уже еписк. сурожскимъ. Какъ добрый пастырь, онъ прославляется даромъ чудотворенія при жизни и по смерти. Для насъ представляетъ интересъ одно изъ двухъ посмертныхъ его чудесъ, приписанныхъ въ концѣ житія подъ особыми заглавіями. Именно слѣдующее. „По смерти же святого *мало лѣтъ мину*, приде рать велика рускаа изъ Новаграда князь Бравлинъ (вар. Бравалинъ) силенъ зѣло“, который одолѣлъ всю прибрежную крымскую полосу отъ Корсуня до Керчи и подступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной осады, онъ ворвался въ городъ и вошелъ, разбивъ двери, въ церковь св. Софій. Тамъ на гробѣ св. Стефана былъ драгоценный покровъ и много золотой утвари. Какъ только все это было пограблено, князь „разболѣся: обратися лице его назадъ и лежа пѣны точаше; възопи глаголя, великъ челоуѣкъ святъ иже здѣ“. Князь приказалъ боярамъ принести похищенное обратно къ гробницѣ, но не могъ встать съ мѣста. Снесены были сюда же и всѣ священные сосуды, взятые отъ Корсуня до Керчи, — князь оставался въ прежнемъ положеніи. Св. Стефанъ предсталъ къ нему въ видѣннй („въ ужасѣ“) и сказалъ: если не крестишься въ церкви моей, то не выйдешь отсюда. Князь согласился. Явились священники во главѣ съ архіепископомъ Филаретомъ и крестили исцѣленнаго князя вмѣстѣ со всѣми его боярами, взявъ обѣщаніе съ нихъ—отпустить всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ.

Судя по хронологіи житія св. Стефана, всецѣло относящейся къ VІІІ столѣтію, въ рассказанномъ происшествіи, бывшемъ „спустя немного лѣтъ по смерти святого“, мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшимъ фактомъ нашей исторіи. Весь вопросъ въ томъ: какова степень достовѣрности житія и славянской приписки о чудесахъ, оригинала для которой не имѣется въ греческомъ текстѣ? Анализъ житія открываетъ въ немъ пространныя выписки изъ славянскаго перевода біографіи Іоанна Златоуста, приписываемой Георгію Александрійскому, изъ славянскаго же перевода „Луга Духов-

наго“ Иоанна Мосха и даже изъ житія русскаго митрополита Петра, написаннаго митрополитомъ Кипріаномъ († 1406 г.). Ясные признаки, что оно составлено русскимъ человѣкомъ не ранѣе первой половины XV в. и не позднѣе взятія Сурожа туркамъ въ 1475 г., чего еще не знаетъ житіе. Въ нашихъ святцахъ имя Стефана Сурожскаго появляется только съ XVI в. Но, несмотря на такое позднее происхожденіе и нѣкоторыя внутреннія несообразности, разбираемое житіе хранитъ въ своемъ составѣ весьма древнюю основу, слѣды которой видны въ цѣломъ рядѣ точныхъ историческихъ деталей, выгодно отличающихъ по мѣстамъ русскую редакцію даже отъ единственнаго извѣстнаго греческаго текста житія ¹⁾. Таковы, на примѣръ, указаніе имени родины святого— Моривасъ (параллель этому имѣется и въ греческомъ текстѣ въ род. пад. Μοριβάσου); упоминаніе о супругѣ Константина Копронима Иринѣ, „дочери Керченскаго царя“ (она была дочь хазарскаго кагана). Въ разсказѣ о чудесахъ упоминается князь Юрій Тарханъ. Черта глубоко правдивая для исторіи Сурожа въ VIII в., когда онъ былъ въ даннической зависимости отъ хазаръ и въ немъ должны были жить привилегированныя лица, свободныя отъ дани — по-тюркски „тарханы“. Преемникомъ Стефана по архіепископству называется клирикъ Филаретъ. Возможно, что мы имѣемъ косвенное подтвержденіе этому въ письмѣ Θεодора Студита († 826) къ архимандриту сосѣдней съ Сурожемъ Готѣи: тамъ онъ упоминаетъ о какомъ-то епископѣ Филаретѣ. Храмъ сурожскій именуется св. Софіей. Что это точно соответствуетъ исторической дѣйствительности, видно изъ одной древней греческой приписки на полѣ синаксаря, принадлежавшаго греку-сурожанину, обнѣнн въ г. Сугдѣ въ 793 г. храма св. Софіи. Въ роли крестителя русскаго князя выступаетъ архіепископъ Филаретъ, которому умѣстно было еще быть въ живыхъ, „спустя немного лѣтъ“ по смерти св. Стефана; а смерть послѣдняго можно полагать въ концѣ VIII столѣтія, если отождествлять съ нимъ Стефана епископа Сугдайскаго, подписавшаго опредѣленіе седьмого вселенскаго собора. Словомъ, все приводитъ насъ къ убѣжденію, что

¹⁾ Греческій списокъ съ рукописи Халкинской бібліотеки добытъ черезъ проф. П. Е. Троицкаго и напечатанъ Васильевскимъ въ „Рус.-виз. изслѣд.“.

составитель русскаго житія св. Стефана въ XV в. почерпнуть разсказъ о крещеніи русской рати изъ того же древняго греческаго подлинника, написаннаго въ духѣ полного соотвѣтствія изображаемой эпохѣ VIII и начала IX вѣковъ.

Интересъ русскаго книжника къ личности Стефана Сурожскаго и возможность обращенія къ греческому оригиналу объясняются давними и продолжительными торговыми связями русскихъ съ Сурожемъ. Начало ихъ мы можемъ подмѣтить уже въ XII в. Упомянутый авторъ приписокъ на греческомъ синаксарѣ подъ 24 іюля сдѣлалъ замѣтку о празднованіи „въ этотъ день памяти святыхъ *новоявленныхъ*“ (*νεοφανέντων*) мучениковъ въ русскихъ странахъ, Давида и Романа (Бориса и Глѣба), убитыхъ собственнымъ братомъ, окаяннымъ Святополкомъ (*τῷ τάρταρος σφατοπούχῳ*)“. О торговлѣ русскихъ купцовъ въ Сурожѣ въ XIII ст. имѣются арабскія и европейскія свидѣтельства. Съ другой стороны ипатская лѣтопись подъ 1288 г. отмѣчаетъ присутствіе сурожскихъ купцовъ во Владимірѣ волынскомъ. Южно-русскія былины также знаютъ какихъ-то богатырей сурожанъ, или суровцевъ. Съ XIV в. имѣются уже частыя указанія на пребываніе сурожскихъ купцовъ на Руси и въ частности въ Москвѣ. Но въ то же время сурожцами начинаютъ называться и природные русскіе люди, только ѣздившіе въ Крымъ и торговавшіе привозными сурожскими, или, какъ говорили, „суровскими“ товарами. (Вотъ разгадка одного изъ нашихъ коммерческихъ терминовъ, пестрящаго уличныя вывѣски). По грамотамъ XV в. извѣстно нѣсколько купеческихъ семействъ, или московскихъ торговыхъ домовъ, имѣвшихъ постоянныя дѣла съ Сурожемъ. Объ одномъ изъ такихъ купцовъ, Степанѣ Васильевичѣ Сурожскомъ, родословныя книги сообщаютъ, что онъ прибылъ въ 1403 г. къ вел. кн. Василию Дмитріевичу „изъ своей вотчины изъ Сурожа“ и что отъ него пошли Головины и Третьяковы. Патріотъ г. Сурожа, носившій имя мѣстнаго святого и чтившій его не только по аналогіи съ купеческимъ почитаніемъ святыхъ—покровителей ярмарокъ, но и какъ своего личнаго патрона, безъ сомнѣнія практически знавшій греческій языкъ, такой чело-вѣкъ, какъ Степанъ Васильевичъ Сурожскій, имѣлъ всѣ побужденія и возможности быть авторомъ русской редакціи житія св. Стефана. Могъ это сдѣлать и кто-нибудь изъ его ближайшихъ родственниковъ во славу небеснаго патрона своей фамиліи, переселившейся въ Москву.

Итакъ предъ нами встаетъ фактъ крещенія русскихъ въ началѣ IX столѣтія, т. е. приблизительно за полвѣка до того момента, съ котораго ведетъ династическую исторію русскаго государства и русскаго имени наша начальная лѣтопись. Чудесная форма разсказа не должна обострять нашего скепсиса, потому что именно въ отдѣлѣ чудесъ въ житійной литературѣ историки и находятъ наибольшее количество реальныхъ бытовыхъ чертъ для исторіи отдѣльныхъ областей и городовъ. Косвенно правдивость факта нашествія русскихъ на Сурожъ подтверждается и однимъ мѣстомъ такъ называемой итальянской легенды о перенесеніи мощей св. Климента. На разспросы Константина Философа относительно древняго храма Климента, обращенные къ жителямъ Корсуна, послѣдніе ему отвѣчали, что, вслѣдствіе частыхъ набѣговъ варваровъ, здѣсь подверглись разрушенію не только окрестности Корсуна, но была опустошена и даже сдѣлана необитаемой и большая часть той страны—*ob multitudinem incursantium barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis reddita*. Это говорилось въ 861 г. Возбуждало недобѣріе историковъ ко всему разсказу сообщеніе, что рать пришла „изъ Новаграда“. Казалось невѣроятнымъ прибытіе ея изъ такой дали, если разумѣть Новгородъ на Волховѣ. Однако, для Руси, ходившей знаменитымъ воднымъ путемъ изъ Скандинавіи въ Византію, это разстояніе не представляло ничего необычнаго. Но, если загадочное выраженіе „изъ Новаграда“ и не указываетъ на сѣверно-русскій городъ, то для него найдется нѣкоторое объясненіе въ имени древняго *Νεάπολις* а, находившагося около теперешняго Симферополя, неподалеку отъ предполагаемыхъ поселеній руссовъ въ западномъ Крымѣ, гдѣ на итальянскихъ картахъ ¹⁾ значатся гавань варяговъ—*Varangolimen* и мѣстечко *Rossofar*. Этотъ Новгородъ могъ быть и для Руси болѣе отдаленной только ближайшимъ сборнымъ пунктомъ, изъ котораго она обрушилась на Сурожъ. Имя русскаго князя „Бравлинъ“ (въ менѣе исправныхъ спискахъ передѣланное въ „бранливаго“ князя очевидно для того, чтобы осмыслить непонятные звуки)

¹⁾ Этими картами мы обязаны венеціанцамъ и генуэзцамъ, въ теченіе среднихъ и вплоть до новыхъ вѣковъ ведшимъ оживленную торговлю по берегамъ Чернаго моря и владѣвшимъ богатыми торговыми колоніями въ Крымѣ (Кафа).

нашъ европеизированный слухъ готовъ съ перваго раза принять за славянское, происходящее отъ слова бравый. Но вѣдь это слово французское, герм. греко-латинское, въ русскомъ языкѣ очень недавнее. Да и для имени съ окончаніемъ на *-инъ* намъ не подыскать аналогій ни среди—*мировъ*,—*славовъ*,—*полковъ*, ни среди *Добрынь*, *Путятъ* и т. п., между тѣмъ какъ среди извѣстныхъ по Игореву договору съ греками 944 г. варяжскихъ именъ мы встрѣчаемъ три съ такимъ окончаніемъ: Устинъ—руннч. Austin, Ustin, Фрастѣнъ—рун. Frustin Фурстѣнъ—Thurstin. Въ средневѣковой Германіи мы найдемъ достаточно такихъ именъ, какъ Бутилинъ, Берковинъ, а у Исидора Испанійскаго, извѣстнаго писателя VII в., былъ даже знакомый вестготскій епископъ Браулинонъ. Слѣдовательно намъ можно еще не торопиться подниматься вверхъ по Днѣпру въ поискахъ за Русью, которая крестилась въ Сурождѣ. Предъ нами еще только авангардъ Руси въ ея сближеніи съ Византіей и воспріятія духовнаго вліянія послѣдней — Русь варяжско-черноморская. Хотя необходимо мыслить Русь крымскую и черноморскую наполовину состоявшей изъ кочевыхъ варяжскихъ элементовъ, которые приходили изъ Скандинавіи и обратно уходили туда сквозь всю русскую землю. Эти броженія со временемъ не могли не сыграть и нѣкоторой миссіонерской роли.

Свидѣтельство о смиряющемъ вліяніи византійскихъ святыхъ на буйныхъ воинственныхъ руссовъ сохранилось еще въ житіи св. Георгія, архіеп. Амастридскаго ¹⁾. Въ концѣ житія рассказывается въ качествѣ посмертнаго чуда: „Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность уже однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они—этогъ губительный и на дѣлѣ и по имени ²⁾ народъ—начавъ раззореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигли наконецъ и до отечества святого,

¹⁾ Въ латинск. переводѣ напечатано въ Acta sanct. t. III. Febr. d. XXI, а въ греч. подлинникѣ съ парижск. кодекса Васильевскимъ въ „Рус.-Виз. Изслѣдов.“.

²⁾ Риторическая игра словомъ вѣроятно съ намекомъ на библейскаго врага съ сѣвера—שׂרָפָה—Pōs, Іезек. гл. 38—39.

посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ“. Когда руссы вошли въ храмъ и увидѣли гробницу св. Георгія, то бросились къ ней, воображая найти тамъ сокровища. Но вдругъ члены ихъ онѣмѣли и они не въ силахъ были двинуться съ мѣста. Тогда предводитель ихъ въ страхѣ призвалъ одного изъ христіанскихъ плѣнниковъ и допросилъ: что это за страшная карающая сила и какой она требуетъ жертвы? Послѣ данныхъ объясненій, онъ обѣщалъ свободу всѣмъ христіанамъ и приношенія ихъ Богу. И вотъ по молитвамъ христіанъ „варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраняется нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами, и они уже болѣе не оскорбляли святыни“.

Амастрида или Амастра, по-турецки Амассера, находится на малоазійскомъ берегу Чернаго моря приблизительно на половинѣ разстоянія между Синопомъ и К.Племъ. Цвѣтущее состояніе этого города въ древности обусловливалось торговыми связями съ противоположнымъ берегомъ Понта. Никита Пафлагонянинъ (IX—X в.) такъ восхваляетъ свою Амастру: „Амастра, око Пафлагоніи, и лучше сказать едва ли не всей вселенной. Въ нее, какъ на общее торжище, стекаются Скиѣы, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу. Во всемъ, что привозится сушей или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка. Городъ щедро снабженъ всѣми удобствами“ и т. д. Понятно, почему жертвой набѣга стала именно Амастрида.

Время набѣга опредѣляется по внутреннимъ признакамъ житія. Въ епископа поставляетъ Георгія патріархъ Тарасій (784—806) и несомнѣнно не позднѣе 790 г., потому что на соборѣ 787 г. присутствуетъ еще Григорій Амастридскій, а въ 790 г. принимаетъ въ Амастридѣ бѣжавшаго изъ Крыма Іоанна Готскаго, какъ видно изъ житія послѣдняго, уже нашъ Георгій Амастридскій. Скончался Георгій вѣроятно въ царствованіе Никифора Логовета (802—811), потому что это послѣдній императоръ, фигурирующий въ житіи. Такимъ образомъ *terminus post quem* для набѣга руссовъ намѣчается. *Terminus ante quem*—это время написанія житія. Когда же оно написано? Житіе запечатлѣно характернымъ признакомъ одного изъ моментовъ иконоборческой эпохи. Въ житіи хранится глубокое умолчаніе объ иконахъ, хотя авторъ имѣлъ десятки поводовъ говорить объ нихъ; въ такихъ случаяхъ

онъ прибѣгаетъ къ самымъ туманнымъ и иносказательнымъ выраженіямъ. А это говоритъ вотъ о чемъ. Когда злѣйшій врагъ иконъ Левъ Армянинъ палъ въ 820 г. жертвой заговора, то преемникъ его Михайлъ Косноязычный издалъ строгій указъ, чтобы „никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы; но пусть пропадетъ и сгинетъ соборъ Тарасія, такъ же какъ и соборъ Константина или недавно вновь собранный при Левѣ, и пусть глубокое молчаніе будетъ правиломъ во всемъ, что напоминаетъ объ иконахъ“. Такое положеніе дѣлъ сохраняло силу до им. Θεοφιλα, до 842 г. Слѣдовательно и наше житіе написано не позднѣе этого года. Какъ видно изъ его содержанія, оно произнесено было въ видѣ рѣчи на церковномъ торжествѣ въ честь святого. Значитъ авторъ не могъ прибѣгнуть къ совершенному вымыслу при изображеніи обстановки чуда, такъ какъ въ лицѣ старшаго поколѣнія своихъ слушателей имѣлъ живыхъ свидѣтелей варварскаго нашествія. Это подкрѣпляетъ достовѣрность послѣдняго событія и показываетъ сверхъ того, что для 842 г.—крайній срокъ написанія житія—оно было уже фактомъ сравнительно отдаленнаго прошлаго. Итакъ предъ нами новый примѣръ ознакомленія съ христіанствомъ до-рюриковской Руси въ началѣ IX столѣтія. На родину этой Руси есть намекъ въ житіи при описаніи ея вандалскихъ подвиговъ: „храмы ниспровергаются, святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ (*ξενοκτομία*), у нихъ сохраняющее свою силу (*νεῦζωσα*)—убійство дѣвственныхъ мужей и женъ“. Припоминая весьма распространенное, связанное съ исторіей Ифигеніи, преданіе о томъ, что жители Тавриды приносили въ жертву иностранцевъ, пристававшихъ къ ихъ берегу, авторъ, какъ видно убѣжденъ, что руссы и есть прямыя потомки древнихъ тавровъ, до новѣйшихъ временъ (*νεῦζωσα*) сохранившіе свой праѣдовскій кровавый обычай. Руссы, по его убѣжденію,—это обитатели Крыма.

Слѣдующій случай столкновенія русскихъ съ византійскимъ христіанствомъ приведетъ насъ уже въ собственную Русь.

А. Карташевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки